

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

УДК 940:281.9(477.20)

О.А. Фефелова

О РОЛИ ШКОЛ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ В СОЗДАНИИ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ КОЛЛЕГИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Томский государственный педагогический университет

«...Для того чтобы юношество наставляемо
было во всяком благочестии,
в добрых нравах и свободных науках...»

Украинско-белорусские православные братства были объединениями горожан, занимавшихся оказанием помощи своим членам, устройством совместных трапез, поддержанием патронируемого храма. В XV–XVI вв. разные формы контроля церковной жизни со стороны прихожан были православной традицией, нашедшей выражение в праве патроната. В польско-литовском государстве данное право служило источником конфликта между братствами и духовенством.

В 80-е гг. XVI в. происходит преобразование православных братств в организации нового типа. Часть Украины и Белоруссии, входившая в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского, в церковно-юридическом отношении была территорией Киевской православной митрополии, подчинявшейся Константинопольскому патриархату. По инициативе светских патронов церкви, поддержанных греческими патриархами, была проведена реформа в отношениях мирян и духовенства. Деятельность львовских горожан в 70–80-е гг. XVI в. подготовила ее проведение. Она была отражением процесса формирования сословий западнорусского общества, прежде всего мещанского. Своеобразное понимание гармонии светской и духовной власти проявилось в стремлении сохранить соборность православной церкви (право мирян принимать участие в решении важнейших вопросов в жизни церкви, участвовать в выборах иерархии). В январе 1586 г. антиохийский патриарх Иоаким утвердил устав Львовского братства [1, с. 4], в 1588 г. константинопольский патриарх Иеремия утвердил устав Виленского братства: «Пастырским строением повелеваем и благославляем их на сие богу угодное братство, и вси обычаи его во книзе братства церковного написанныя хранити... и школу братскую в дому братском, языка греческаго, латинскаго и рускаго имети. Також и друкарню

вся книги ветхаго и новаго завета... печатати повелеваем...» [2, с. 7].

В 1593 г. он же даровал Львовскому братству при храме Успения Пресвятой Богородицы ставропигию – право непосредственного подчинения константинопольскому патриарху. Братчики становились независимыми от местных епископов и митрополита, но могли контролировать их действия [1, с. 36]. По образцу уставов Львовского Успенского и Виленского Троицкого братств создаются православные братства в других городах Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII в. С разрешения патриархов и государственной власти братчики открывают школы и типографии [1, с. 11]. Из узкосословных организаций православные братства превращаются в объединения, в которые могли вступать представители других сословий (дворянства и духовенства): «А кто бы хотел вступить в сие братство, или мещанин, или шляхтич, или предмещанин, или посполитых людей вшелякого стану, як тутешний, так сторонний, – мает дати вступного грошей шесть» [1, с. 5].

Природа «братского движения», причины стремительного роста значения православных братств в Киевской митрополии, в политической и культурной жизни Речи Посполитой являются предметом споров историков на протяжении десятилетий. Новый взгляд на проблему представлен в работах М.В. Дмитриева и его учеников. Исследуя католические и православные религиозные представления и практики, он пришел к выводу о том, что «братское движение» можно считать результатом «православной конфессионализации».

Этот процесс происходит в два этапа. Первый – это рост и трансформация конфессионального самосознания верующих, которые начинают осознавать отличия «своей» конфессии от других. Второй – стремление светских и духовных властей

подчинить жизнь прихожан тем религиозным нормам, которые вырабатывались в ходе конфессионализации. При этом необходимо помнить о том, что традиции византийского христианства в том виде, в каком они были усвоены на Украине и в Белоруссии, были настолько специфичны, что понятия, заимствованные из опыта западного христианства, не могут адекватно передать происходящего в православной культуре [3, с. 147].

Историография истории православных братских школ на западнорусских землях Речи Посполитой обширна. На протяжении столетий исследователи спорят о степени близости системы обучения в братских школах и в западноевропейских высших учебных заведениях того времени. До наших дней дошло немного подлинных источников по истории православных братств. Документы Киевского Богоявленского братства, наиболее важные для исследования о времени возникновения Киево-Могилянской академии, не сохранились. В распоряжении ученых имеются только копии, сделанные в 70-х гг. XVIII в. Но сохранившиеся учебники, бытовавшие в братских школах разных городов, труды ученых того времени, немногочисленные воспоминания учащихся и учителей позволяют приблизительно воссоздать систему обучения в них. Точное определение даты образования Киевской коллегии вызывает интерес, поскольку с ней связывают обычно возникновение высшего образования у восточных славян.

Современное осмысление «природы братского движения» необходимо при исследовании вопроса о возникновении Киево-Могилянской академии. Как известно, она возникла от слияния школы Киевского Богоявленского братства и Лаврской школы, которая с осени 1631 г. действовала в помещении Троицкой церкви больничного монастыря Печерской лавры. Ее основателем был архимандрит Киево-Печерской лавры Петр Могила [4, с. 53].

История взаимоотношений Киевского Богоявленского братства, православных братств в целом и братства Петра Могилы может быть рассмотрена как проявление «православной конфессионализации». Как и Львовское Успенское, Виленское Троицкое (позднее ставшее Святодуховским), Киевское братство получило право ставропигии [5, с. 70]. Оно организовало братскую школу «наук еллино-славянских и латинского письма, где учителя, принадлежащие к той церкви, научая, благочестивой жизни и преподавая надлежащие науки, имеют усердие объяснять и внушать желающим учиться, а особливо младенческому уму, твердое исповедание веры...» [5, с. 67]. Однако деятельность его развернулась в более сложных исторических условиях.

После Брестской унии (1596 г.) православной и католической церквей в Речи Посполитой возникла униатская церковь. Государственная власть в конце

XVI – начале XVII в. всячески способствовала ее становлению. Православные братства теряли опекаемые ими храмы; например, Виленское братство вынуждено было оставить церковь св. Троицы [2, с. 44]. Православных священников некому было рукополагать, поскольку православная иерархия находилась на «нелегальном» положении.

В таких условиях возникло Киевское Богоявленское братство, социальный состав которого отличался от других братств, образованных преимущественно горожанами. В Киевское братство кроме ремесленников, торговцев, шляхты вступали представители духовенства и казачества. В «Уписе» (реестре) братства значится и имя Петра Могилы (11 марта 1631 г.) [5, с. 42].

Дату основания Киевской братской школы определяют 1615 г., когда Галшка Гулевичевна, жена маршалка Мозырского повета Стефана Лозки торжественно вписала в киевские земские книги «вечную свою фундацію» – дарственную, по которой свой собственный «дом с пляцом» и землю в городе передала в собственность братства «на монастырь... также на школу детям, так шляхетским, яко и местским...» [5, с. 5].

В XVII в. казачество играло роль защитника православия на «русских» землях Речи Посполитой. В 1620 г. гетман Войска Запорожского Петр Конашевич-Сагайдачный вступил в братство «со всем войском». В этом же году при поддержке казачества иерусалимским патриархом Феофаном была восстановлена православная иерархия в Речи Посполитой. Во время этого визита в Киев патриарх жил во владениях Богоявленского братства [5, с. 61]. Гетман Петр Конашевич-Сагайдачный почти все свои средства завещал школам Киевского Богоявленского, Львовского Успенского и Луцкого Крестовоздвиженского братств «на науку и выхованье бакаляров ученых... детям христианским... за чем бы наука продолжаться могла вечные и потомные времена» (цит. по: [4, с. 44]). Руководство казацкого войска покровительствовало и помогало Киевскому братству контролировать православную иерархию.

В основу обучения в Киевской школе, как и в других братских школах, были положены языки – славянский, греческий, латинский и польский, а также «семь свободных наук» – грамматика, арифметика, геометрия, астрономия, риторика, диалектика, теология. «Эллино-славянское» направление в обучении, популярное с 80-х гг. XVI в., уже не могло обеспечить усвоение современного уровня знаний и их использование в общественной жизни. Поэтому к нему добавилось «латино-польское» направление.

Отражение первого этапа «православной конфессионализации» – осознание отличия «своей» конфессии от других можно увидеть в тексте письма киевских братчиков русскому царю Михаилу Федоровичу

от 17 января 1626 г.: «Мы устроили с большим накладом школу, чтобы обучать детей своих славяно-русскому и эллино-греческому языкам и другим наукам... для того, чтобы они не пили из чужих источников смертоносный яд западной схизмы и не уклонялись в темноту римлян» (цит. по: [4, с. 52]).

Помимо Божоявленского братства в Киеве XVII в. оформился еще один центр просветительства – Киево-Печерская лавра. С 1615 г. действовала лаврская типография. В 1627 г. архимандритом лавры стал Петр Могила [4, с. 58].

15 июня 1631 г. в Успенской церкви Львовского братства Петр Могила дал обет на обеспечение Лаврской школы. Текст документа начинается с объяснения причины такого поступка: «Я, Петр Могила, милостию божиею архимандрит Киево-Печерский, видя великую потерю для душ человеческих от неучености духовенства и необучения юношества и желая, при благодати и помощи божией, по собственной моей воле, предотвратить столь великую потерю, а также приобрести удалившихся от православия, вознамерился основать школу для того, чтобы юношество наставляемо было во всяком благочестии, в добрых нравах и в свободных науках; и сие не для какой-либо пользы или славы моей, но... в пользу и утешение правоверного народа» [5, с. 94]. Обет был дан в том, что Петр Могила предоставляет «фундуш» – дарственную для Лаврской школы. Это обещание было дано в присутствии Исаяи Трофимовича-Козловского и Сильвестра Косова (Коссова), которые были приглашены Могилою преподавать в школе Лавры, а ранее служили учителями в Львовской братской школе. Он обещал, что «таковой фундуш я должен дать... и как можно скорее, так что исполнения сего моего обета они должны ожидать не далее года» [5, с. 98]. Но Лаврская школа просуществовала недолго. Киевское братство было обеспокоено тем, что Петр Могила как глава школы не подчинил процесс воспитания юношества исключительно профессиональным интересам.

В историографии, посвященной личности и наследию Петра Могилы, не ставится под сомнение факт влияния на него западной богословской мысли. Но последствия этого влияния на судьбу православной культуры оцениваются исследователями по-разному. Существует точка зрения, что Петр Могила организовал свою академию по образцу западных коллегий, которые были созданы иезуитами на всей территории Европы. В иезуитской миссионерской программе нашла выражение концепция вселенской церкви, признавшая примат адаптации над доминанцией и унификацией. Согласно данной точке зрения, Петр Могила является предшественником Петра I в деле европеизации русской церкви [6, с. 40].

Новое обращение к богословскому наследию Петра Могилы позволяет исследователям показать,

как в сочинениях Могилы могли парадоксальным образом ужиться элементы католического и православного толкований вероучения [7, с. 50]. Он пользовался поддержкой короля, имел родственников среди польской знати, сохранил дружеские отношения с униатскими епископами, был причастен к планам «новой унии» в 20–40-е гг. XVII в. Часть православной и униатской иерархии периодически, под присмотром королевской власти, вела переговоры об объединении православной и униатской церквей в рамках особого «патриархата», который не находился бы в иерархической зависимости от Рима или Константинополя [8, с. 126].

Поэтому братчики требовали от него объединить Лаврскую школу с братской и разместить ее обязательно на Подоле, на территории братства и под его присмотром. Противостояние было достаточно жестким: «от неученых попов и козаков велле было негодование: на што латинское и польское училище заводите, чего у нас до толу не бывало и спасались... было хотели самого Петра Могилу побити; едва уговорили». Профессор Лаврской школы Сильвестр Косов (Коссов) писал: «Какие перуны, какие громы и молнии разные посыпались на нас тогда (по открытии школ), того невозможно описать чернилами. Было такое время, что мы, исповедавшись, только и ждали, что вот-вот начнут начинять нами желудки днепровских осетров или же того огнем, другого мечем отправят на тот свет» (цит. по: [9, с. 6]). Тогда в дело вмешалось «все Войско его королевской Милости Запорожское». Гетман войска Иван Петрижицкий в «Листе войсковом» от 12 марта 1632 г. попросил Петра Могилу объединить школы [4, с. 56].

Последний дал согласие на это, и с сентября 1632 г. объединенная школа начала работу на территории братского монастыря «на месце способнейшом до выхованья учащимся...» [5, с. 103]. Она стала называться коллегией или Киево-Братской коллегией. Петр Могила с согласия братства стал «старшим братом», «дозорцою и оборонцою» коллегии и братского училищного монастыря. Были составлены и подписаны представителями православного духовенства и казачества акты о том, что Петр Могила до его смерти признается главным начальником и распорядителем киевских школ. После же его кончины члены братства оставляли за собой право выбора его преемника из духовного или светского сословия. Гетман Иван Петрижицкий обещал, что он сам, «ясаулове, полковники и все Войско его Королевской Милости Запорожское...» членов братства, церковь, монастырь, школы и богадельни и все к ним относящееся, иметь под своей защитой, охранять, и за них до смерти своей стоять [5, с. 142].

В 1633 г. король Владислав IV предоставил православной церкви право свободного отправления

богослужения, им были возвращены многие церкви и монастыри. Подтверждались права православных братств «о удержании... училища для обучения языкам греческому, русскому, латинскому и наукам...» [2, с. 118]. Анализ текста грамоты киевского митрополита Петра Могилы, благословляющей Львовское братство и утверждающей его прежние порядки 1637 г., 19 февраля позволяет сделать вывод о том, что к концу 30-х гг. XVII в. заканчивался второй этап «православной конфессионализации» – стремление светских и духовных властей подчинить жизнь прихожан тем религиозным нормам, которые вырабатывались в ходе конфессионализации.

Львовское Успенское братство получило ставропигию в 1593 г. Оно могло печатать книги, не подчиняться местной православной иерархии, опираясь на поддержку константинопольского патриарха. Право ставропигии даровалось и другим братствам, оформившимся позднее. Так, в 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан, признав Богоявленскую церковь Киевского братства достойной быть патриаршей ставропигией, постановил, что она никогда не

будет подлежать духовному, митрополичьему, архиепископскому, епископскому или иному суду, кроме самой патриаршей константинопольской кафедры. При чем повелел «всякому, как духовному, так и светскому, и какого бы ни было состояния людям, – чтобы той святой патриаршей ставропигии, братству, школе и странноприимству не были противны, под анафемою непростения» [5, с. 73].

В 1637 г. Петр Могила именовал себя митрополитом Киевским, экзархом константинопольского патриаршего «трону», архимандритом Печерским. В грамоте он повелел: «...абы без благословения архиерейского нашего жадных книг друковати в друкарни братской Львовской, под неблагословением нашим, не важилися» [1, с. 58]. Признание официальной властью православной иерархии позволило главе Киевской митрополии постепенно подчинить православные братства церковной администрации. Он мог себе позволить утверждать, что как экзарх константинопольского патриарха «влазду свою над предреченным братством растягати мает» [1, с. 59].

Поступила в редакцию 22.09.2006

Литература

1. Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. 2-е изд., с доп. Киев, 1898. Т. 3. Отд. 1.
2. Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трока, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Вильна, 1843. Ч. 2.
3. Дмитриев М.В. Церковные братства Киевской митрополии в конце XVI в.: результат «православной конфессионализации»? // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М., 2003.
4. Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. Киев, 1988.
5. Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1846. Т. 2. Отд. 1.
6. Новицкая-Ежова А. Орден базилиан и его культурно-просветительная деятельность на украинско-белорусско-литовских землях Речи Посполитой // Славяноведение. 1996. № 2.
7. Корзо М.А. «Православное исповедание веры» Петра Могилы: К вопросу о западном влиянии на киевское богословие XVII в. // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М., 2003.
8. Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Флоря Б.Н. и др. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. М., 1999. Ч. 2.
9. Голубев С.Т. Киево-Могилянская коллегия при жизни своего фундатора киевского митрополита Петра Могилы. Киев, 1890.

УДК 070

В.В. Шевцов

ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НИКОЛАЯ I¹

Томский государственный университет

Появление регулярных правительственных изданий в губерниях и национальных областях Российской империи при Николае I явилось продолжением политики формирования государственной и прого-

сударственной журналистики, начатой еще Екатериной II в рамках просвещенного абсолютизма. Необходимость открытия региональных газет осознавалась и местной администрацией. В 20-х гг. XIX в. такой

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-01-00317а).